

Уголовные дела в Латвии - Германии

- Консультации по Уголовным делам
- Начало уголовного процесса
- Допрос в уголовном процессе
- Права и обязанности участников процесса
- Следственные действия

Юридические услуги в Латвии и Германии

Юридическое бюро Александра Хрулёва

+371 29241211
Viber - WhatsApp

lawyer.khroulev@gmail.com

lawyer-khroulev.com

Как подготовиться к уголовному процессу, по уголовному делу в Латвии?

ИСКУССТВО РЕЧИ НА СУДЕ

П. СЕРГЕИЧ – П.С. ПОРОХОВЩИКОВ – 1910 год

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Мы не будем повторять старого спора: писать или не писать речи. Знайте, читатель, что, не исписав нескольких сажен или аршин бумаги, вы не скажете сильной речи по сложному делу. Если только вы не гений, примите это за аксиому и готовьтесь к речи с пером в руке. Вам предстоит не публичная лекция, не воззвание на площади, не поэтическая импровизация, как в «Египетских ночах». **Вы идёте в бой.** Заглянем с вами в Московскую оружейную палату или в арсенал Петербургского Эрмитажа: мечи, копыя, ружья, пистолеты. К вам подошёл кто-то и говорит: все это в вашем распоряжении, выбирайте что хотите, сколько хотите; но времени у вас одна минута; противник уже вышел в поле... Как разобраться в бесчисленном множестве оружия? Все хорошо на вид, но есть ведь немало негодного, заржавленного, притупившегося...

– Господин прокурор! Ваше слово.

И вы наскоро хватаетесь за то, что попадёт под руку. А противник ваш провёл всю ночь в том же арсенале, пересмотрел не спеша каждую стойку и выбрал лучшее, исправное, надёжное...

Остерегайтесь импровизации.

Отдавшись вдохновению, вы можете упустить существенное и даже важнейшее.

Можете выставить неверное положение и дать козырь противнику. У вас не будет надлежащей уверенности в себе.

Лучшего не будет в вашей речи. Импровизаторы, говорит Квинтилиан, хотят казаться умными перед дураками, но вместо того оказываются дураками перед умными людьми.

Наконец, имейте в виду, что крылатый конь может изменить.

Люди знающие и требовательные и в древности, и теперь утверждают, что речь судебного оратора должна быть написана от начала до конца. Спасович, Пассовер, Андреевский – это внушительные голоса, не говоря уже о Цицероне.

Но если это не всегда бывает возможно, то во всяком случае речь должна быть написана в виде подробного логического рассуждения; каждая отдельная часть этого рассуждения должна быть изложена в виде самостоятельного логического целого и эти части соединены между собой в общее *неуязвимое* целое. Вы должны достигнуть этой неуязвимости, иначе вы не исполнили своего долга.

Говорят, дело может совершенно измениться на суде, и написанная речь окажется непригодной от начала до конца: тот, кто все заучил в известном порядке, не сумеет справиться с изменившимися обстоятельствами: чем сильнее казались доводы и ярче образы, тем труднее будет освободиться от них; навязчивая память отвлекает внимание, и работа мозга над новыми фактами становится невозможной. Наоборот, тот, кто не связан, не скован в тисках заранее написанной речи, а привык говорить под непосредственным впечатлением судебного следствия, тот может только выиграть от неожиданностей; каждая из них будет новой искрой в свободной, игре его ума и воображения.

Не могу не признать, что мне приходилось слышать такие суждения от людей, имеющих не менее веский голос в нашем искусстве, чем Спасович или Андреевский; думаю только, что это говорится *cum grano salis*. Обстоятельства дела, конечно, могут измениться на судебном следствии, но исключительные случаи не должны служить основанием общих правил. Если на суд явится свидетель, который заявит, что убил он, а не подсудимый, то, конечно, речь прокурора окажется никуда не годной. Но прокурору и не придётся говорить её, потому что суд в силу закона обязан будет обратить дело к доследованию, чтобы проверить заявление свидетеля. Если человек, обвиняемый в убийстве при слабых уликах, неожиданно сделает признание на суде, его защитнику придётся забыть свою речь и только сказать присяжным, что такое признание есть доказательство нравственного просветления преступника, обязывающее их оказать ему возможное снисхождение. Речь пропадёт, но защита будет выполнена, как должно. Неожиданности судебного следствия ограничиваются обыкновенно предъявлением новых доказательств, показаниями не допрошенных свидетелей или изменением показаний, данных на предварительном следствии свидетелями или подсудимым. Предположим, что новый, по-видимому, добросовестный свидетель категорически утверждает алиби. Если прокурор верит ему, он должен отказаться от обвинения; если не верит, это важное показание должно быть тщательно разобрано им, но оно не может иметь никакого влияния на всё остальное содержание обвинительной речи. Если были сильные улики и будет с надлежащей силой сказана заготовленная речь, присяжные обойдут нового свидетеля в предположении, что он ошибался или лгал.

Говоря о неожиданностях судебного следствия, надо различать, впрочем, то, что можно предусмотреть, и то, чего предвидеть нельзя. Для внимательного оратора неожиданностей почти не бывает; они все уже являлись ему в часы раздумья и сомнений; он сам вызывал их перед собою силой своего ума и знает цену каждой. Адвокат, он не раз олицетворял в себе прокурора, подыскивая самые хитроумные сочетания улик, самые ядовитые стрелы и сокрушительные перуны против того, кто вверился его защите; обвинитель, он становился защитником, чтобы с такой же настойчивостью предугадать соображения противника. Он знает, что изменение свидетельского показания есть обычное, всегда возможное и часто вероятное явление.

Подсудимый судится за поджог с целью получить, страховое вознаграждение; защитник искусно сопоставляет цифры и доказывает, что поджог не мог быть выгоден подсудимому. Если это окажется неожиданностью для прокурора, то прокурор не знал дела. Неожиданности могут быть опасны только в том случае, если, составив и написав речь, оратор не вполне усвоил её, то есть не довёл работы до конца.

Из того, что речь должна быть написана в законченной форме, не следует, что она должна быть произнесена наизусть. В Риме в эпоху цезарей сами судьи требовали изысканных тонкостей от ораторов, и практик Квинтилиан, как мы видели, предостерегает от увлечения этой искусственностью. У нас же так мало привыкли к изящной речи, что безупречная красота её была бы скорее недостатком, чем достоинством на трибуне, особенно в начале. Если вступительные фразы не слишком удачны по построению, если в них слышится неуверенность оратора, у слушателей слагается представление, что речь не подготовлена; вследствие этого следующие разделы речи, хотя они написаны и тщательно разработаны заранее, также кажутся

созданными под непосредственным впечатлением судебного заседания.

Переход от подкупающих неровностей к опасному изяществу объясняется благоприятным образом: талант своё взял; понятное и естественное смущение перед слушателями уступило место спокойной уверенности в своей правоте, и речь свободна и красива не потому, что оратор перестал, а потому, что он начал говорить своим обычным языком. Если в середине речи у слушателей и явится смутное сознание уловки, оно неопасно для оратора: они уже в его власти. **У нас делается как раз наоборот: оратор заучивает наизусть начало речи и заключительные слова, а остальное вверяет своему таланту. Вступление произносится с торжественною самоуверенностью, почти всегда изложено деланным, книжным языком. Впечатление присяжных – зазубрил. За этим следует существо речи; в нём все недостатки и ни одного достоинства импровизации. Присяжные в недоумении, которое продолжается в течение всей речи, до неожиданно щеголеватого заключения.** Дрянные книги обыкновенно продаются в красивых переплётах или ярких обложках; любимых писателей мы переплетаем в тёмный сафьян. Нам предстоит долгий путь; проберёмся задворками, через канавы и заборы, на большую дорогу: там будет идти весело и просторно.

Вот что пишет о письменной подготовке де Бетс, в словах которого всякий признает опытного мастера:

«Готовьтесь к речи».

«Изучайте дело, углубляйтесь в него как можно больше; работайте всегда анализом. Изучайте событие со всеми его подробностями, разбирайте все предположения, допускаемые фактами. Изучайте юридические вопросы, возникшие или могущие возникнуть в деле хотя бы при неверном его освещении. Знайте процесс со всеми возможными исходами его».

«Не бойтесь взволноваться, но вдумайтесь, а своё чувство, знайте в точности, как должно назвать его: негодованием или презрением, гневом или отвращением, уважением или симпатией; знайте, где родилось оно, в каком именно элементе процесса: в личности или в факте. Повторяю, вам нужны не впечатления, а аналитические выводы».

«А потом пишете».

«Только не речь!»

«Не план речи!.. Нет! Речь будет импровизацией на суде; до суда и не думайте о ней».

«Записать надо строгий аналитический разбор дела, разбор для себя; надо довести до совершенной точности и закрепить ваше понимание процесса».

«Вы знаете старинную поговорку; вопрос, верно поставленный, есть вопрос разрешённый».

«Ваша записка должна поставить вопрос точно, во всей его полноте!»

«Никогда не удовлетворяйтесь приблизительными положениями в этой работе; не допускайте ни единого слова, взятого не в строго точном его значении».

«Каждое положение должно быть отточено, как сталь; кончайте только, когда признаете, что анализ доведён до математической точности».

«В этой записке у вас будут собраны все доводы, имеющие объективное значение в процессе; не заносите туда "ораторских доводов", то есть ложных аргументов, которые могут производить впечатление, но в строго логическом смысле силы не имеют».

Из этого отрывка видно, что письменная работа, предлагаемая де Бетсом, есть нечто отличное от речи. Я думаю, что, то и другое может почти совпадать. Написанная речь с пользой и успехом может быть обработана и закончена настолько, насколько это осуществимо.

После судебного следствия будут неизбежны некоторые изменения. Общий тон – одно из важнейших условий – назначить заранее нельзя. Далее в музыке, где тон бывает указан вполне определенно, исполнитель принимает оттенок, соответствующий настроению минуты: оратор, переживший судебное следствие, чувствует, следует ли придать голосу сдержанность или настоятельность, строгость или мягкость. Возможно, что сообразно с этим придётся заменить целый ряд прилагательных более резкими или смягчёнными выражениями; несомненно, что во многих случаях свидетели подскажут оратору *свои* выражения для *его* мыслей – он не упустит их; они могут дать и новые соображения – он ими воспользуется; его, наконец, взволнует непредвиденное обстоятельство – он перейдёт в пафос. Но всё это будет вплетено в прочные узоры его

написанной речи, а не будет самостоятельной импровизацией, о которой говорит де Бетс.

Цицерон писал про оратора Антония: «Никому и в голову не приходило, что его речь обдумана заранее; казалось всегда, что он говорит без подготовки; на самом деле он был так подготовлен, что, когда начинал говорить, судьи обыкновенно оказывались недостаточно подготовленными к тому, чтобы остерегаться его искусства».

Чем прочнее составленная вами речь, тем легче вам украшать её всеми живыми красками судебного следствия, тем легче оратору пользоваться **живым сотрудничеством** других участников процесса.

Сказать хорошую речь несравненно легче, чем сочинить хорошее стихотворение или написать хорошую картину. Плутарх рассказывает, что по просьбе одного афинянина оратор Лизий составил для него защитительную речь; тот прочёл её и был в восхищении; но, через несколько дней он пришёл к Лизию и сказал ему: с первого раза речь показалась мне превосходной; но чем больше я её читал, тем менее она мне нравилась, а теперь она кажется мне совсем ни к чему не годной. – Любезный друг, – ответил Лизий, – ты забываешь, что судьям придётся прослушать её только один раз. Это забываем и мы, когда сравниваем красноречие с другими искусствами...

Уголовные дела в Латвии:

Консультации, ведение уголовных дел

В области торговли, финансов, налогов,

Таможни, собственности, и др.

Юридическое бюро

Александра Хрулёва

+371 29241211

Viber - WhatsApp

lawyer.khroulev@gmail.com

lawyer-khroulev.com

Юридические консультации по Уголовным, Административным делам в Латвии и Германии: в области торговли, финансов, налогов, таможни, собственности, компьютерных технологий, ДТП – экономические, должностные преступления в Латвии – Налоговые, таможенные споры с СГД Латвии, и др.

Представляем интересы Клиентов в СУДЕ, МВД, ПРОКУРАТУРЕ, СГД Латвии, Трудовой Инспекции и Банках Латвии – Опыт юридической практики с 1979 года. Полезная информация, контакты и полный перечень юридических услуг смотреть на сайте Юридического бюро: <https://lawyer-khroulev.com/ugolovnie-dela-v-latvii-i-germanii/>